

Лит. Россия, 1985, 18 янв., № 3.

Живет, не гаснет пламень слова...

МНЕ хочется рассказать об истории одной переписки — народного поэта Чувашии Якова Гавриловича Ухсай с Александром Трифоновичем Твардовским. Связана она с изданием перевода на русский язык поэмы «Нарспи» классика чувашской литературы Константина Иванова (1890—1915). По свидетельству Я. Г. Ухсай, Твардовский еще до войны собирался взяться за перевод поэмы. В одном из писем автору этих строк Ухсай вспоминал: «С Твардовским я встретился в Малевке в феврале 1938 года, рассказал о судьбе гениального юноши. Он так увлекся Ивановым, что изъявил свое доброе желание взяться за перевод поэмы «Нарспи». Об этом мы вдвоем написали письмо в правление СП Чувашии. Ответа не получили, и добрейшее дело заглохло. «Заглохло» оно не надолго. После войны вновь встал вопрос о переводе.

Но вначале — несколько слов о самой поэме Константина Иванова. Она была написана в 1908 году, когда поэту не было еще и двадцати лет. Он родился в деревне Слакбаш Белебейского уезда Уфимской губернии (ныне Белебеевский район Башкирской АССР) в чувашской крестьянской семье. Земляком ему приходится, кстати, Яков Ухсай, который к тому же является и дальним родственником Иванова — троюродным братом. Они — из одного рода, начатого крещеным чувашом Иваном и его некрещеной женой Прта, знаменитого, в частности грамотеями-писарями. Ухсай по возрасту (он родился в 1911 году), конечно, не помнит знаменитого поэта, хотя тот не раз бывал в доме отца маленького Яши — Гаврила Иванова. Позднее его сын так охарактеризовал эти встречи: «Он (Гаврил Иванов. — В. Д.) часто и не без гордости вспоминал, что Константин Иванов, его близкий родственник, в каждый свой приезд из Симбирска считал своим долгом встретиться и неспеша побеседовать с ним. Я в юности не придавал этому большого значения, но позже, работая над монографией о жизни и творчестве Константина Иванова... пришел к выводу, что поэт, тончайший знаток чувашского языка, имел основательные доводы вести неприкрытые разговоры с пахарем в самотканой одежде и лаптях. Отец, человек глубокой пантеистической души, учил меня с детства мыслить поэтически, значит, страстно любить свой язык».

Константин Иванов еще при жизни был широко известен среди чувашей. Он работал в комиссии по переводу и изданию книг на чувашском языке, писал свои оригинальные произведения, был хорошо знаком с выдающимся просветителем И. Я. Яковлевым. При его помощи и поддержке поэма «Нарспи» была впервые опубликована на родном языке в Симбирске в книге «Сказки и предания чуваш» (1908 г.). С тех пор она стала любимым литературным произведением чувашских читателей, настольной книгой почти в каждой семье. Ее сюжетом послужила трагическая история любви девушки из богатой семьи Нарспи и юноши Сетнера. Но им не дано было испытать семейного счастья. Слишком глубоко были сословные пережитки, которые правила «темным царством» родственников Нарспи, слишком неравны были силы. Герои гибнут в этой борьбе — сначала Сетнер, а за ним и красавица Нарспи.

Так увял порою ранней
Молодой весны побег.
Нет Нарспи... Ее страданья
На любой хватило б век.
(Перевод В. ИРИНИНА)

«Идейный замысел поэта, — пишет доктор филологических наук М. Сироткин, — реальная обстановка жизни и быта старой чувашской деревни невольно вывели К. Иванова за пределы устно-поэтического сюжета. Начав с созвучного народному сюжету мотива бесправного и угнетенного положения женщины в семье, К. Иванов дошел до широкого социального обобщения ее образа».

И хотя поэма еще с дореволюционных времен стала классическим произведением чувашской литературы, ее русский перевод смог появиться лишь спустя несколько десятилетий. Одной из причин было то, что нашлись на родине Иванова «неистовые ревнители», которые попытались отлучить выдающегося поэта от своего народа, бросить на его доброе имя тень. С ним-то как раз и пришлось изрядно повоевать Якову Ухсай. В этом деле ему оказали неоценимую поддержку Александр Фадеев и Александр Твардовский. Именно благодаря последнему перевод «Нарспи» увидел свет на русском языке.

В архиве Якова Гавриловича Ухсай сохранились материалы того времени, в том числе и бесценные письма, отзывы и рецензии Твардовского. Большая часть из них не опубликована. С согласия чувашского поэта некоторые письма цитировались мной в статье «Новое родство». Но вот пришел новый конверт из Чебоксар, и вновь передо мной лежали на стол документы со знакомым быстрым почерком Александра Трифоновича Твардовского, его письма к своему чувашскому другу и собрату по перу.

Касались эти послания в основном издания «Нарспи». После войны был найден наконец-то переводчик поэмы. Им стал давний знакомый А. Твардовского (кстати, по его совету переводивший и Ухсай) Борис Иринин. Книга должна была выйти в «Советском писателе».

Твардовский, несмотря на страшную занятость, принимал самое активное и живое участие в этом деле. В письме Якову Ухсай от 9 января 1948 года он писал:

«Дорогой Яков!
Спасибо за книжку и привет!

Относительно редактирования «Нарспи» хочу тебе сказать, что это мне не под силу сейчас: я чудовищно занят, а кроме того готовлюсь в дальнюю поездку. Об издании «Нарспи» в «Советском писателе» я говорил с т. Кирьяновым. Нужно просто направить туда рукопись перевода с твоим или чувашского Союза (писателей) заключением.

Привет. А. Твардовский.
До этого Твардовский знакомился с отдельными главами перевода «Нарспи» (рукопись ему присылал Ухсай) и оставил такое заключение:

«На мой взгляд, перевод «Нарспи» на русский выполняется очень хорошо, близко к оригиналу (поскольку можно судить по подстрочнику) со свойственной этому переводчику добросовестностью и поэтическим чувством. 5.VII.47. Москва».

Когда же рукопись «Нарспи» легла на редакторский стол, Твардовский вновь внимательно перечитал ее, сравнил с еще одним переводом, выполненным В. Ивановым. Перед «Советским писателем» стояла дилемма: чей перевод — Иринина или Иванова — лучше. Нужна была авторитетная рецензия-отзыв. Таковой и стала рецензия Твардовского, которую приводим почти полностью:

«Своему переводу В. Иванов предпосылает обширную записку о значении поэмы «Нарспи» в развитии чувашской литературы, об особенностях поэтики этого произведения и принципах, положенных им, В. Ивановым, в основу своего перевода. Так, например, он пишет о стихе поэмы: «Нарспи» написана размером русской частушки, но без женских строк. В русском языке это будет звучать так: «Чижики, чижики, где ты был?» И Петоки, и Жаров (авторы прежних переводов «Нарспи») совершенно отказались от размеров оригинала, но, отказавшись, совершенно потеряли с ним связь».

Однако, считая свой размер перевода «авторским размером», В. Иванов на практике вступает в очевидное противоречие с вышеуказанным. Многие строфы он переводит сплошь женскими строками, т. е.:

Так весна спешит на север
И меняет всюду краски.
Вся земля
под вешним солнцем
Пробуждается, как в сказке
и т. д.

Творческая дружба Александра Твардовского и чувашского поэта Якова Ухсай

Далее В. Иванов утверждает: «В рифмовке я целиком следую оригиналу». Но трудно предположить, чтобы автор народной, национальной поэмы, написанной в 1908 г., пользовался чуждыми духу и материалу его произведения ассонансами, характерными для совсем иной поэзии. К. Иванов скорее всего в рифмовке следовал принципам фольклора и русской классической поэзии (очевиднее всего Н. Некрасова), где попросту немислимые такие созвучия, как: у реки — ракит; тем — воде; рад — пора; сдержат — хороша; сильней — земле.

Это — второе очевидное несоответствие — добрых намерений автора и результатов его работы. На мой взгляд, это совершенно недопустимые «вольности», выдающие, кстати сказать, крайнюю литературно-техническую немощь стиха перевода.

В этом переводе «Нарспи» выглядит вообще вещь неудобочитаемой, растянута, бледная. Кажется, что К. Иванов равнялся на какие-то забытые суриковско-дрожжинские образцы русской поэзии, а не на образцы классики. Но переводчик в той же сопроводительной записке объясняет слабость своего перевода слабостями оригинала.

«Нарспи» — поэма, принадлежащая перу первого чувашского поэта-просветителя и демократа Константина Иванова — произведение яркое, своеобразное, вместившее в себя большое богатство народной устной поэзии, проникнутое прогрессивной идеей борьбы против гнета богатеев, против предрассудков темной и забитой дореволюционной чувашской деревни. Трагический конец сильной и светлой любви Нарспи и Сетнера, насильно расторгнутых и гибнущих в неравной борьбе с темными силами, заостряет и подчеркивает глубоко гуманную мысль автора, его тоску о свободе и достойной человеческой жизни, звучит как протест против тьмы и призыв к свету.

По форме — это как бы развернутая в повествовательном плане и усложненная средствами «письменной» поэзии народная песня о горькой девичьей доле, насильно замужестве, стремлении любящих сердец друг к другу, предпочтении смерти рабскому уделу.

Описания природы, обрядов,

празднеств и быта старой Чувашии полны яркой выразительности, настоящей поэзии.

Перевод Бориса Иринина в самом выгодном смысле отличается от перевода В. Иванова. Выполнен он четырехстопным хореем, стихом, наиболее близким к «частушечному» размеру подлинника. Каждая строфа скреплена перекрестной рифмой. Параллельный текст подстрочника на обороте рукописи позволяет судить о точности перевода, о его близости к оригиналу, не буквальной, но по духу и поэтической структуре...

Издание «Нарспи» на русском языке в 1948 г., в сорокалетие со времени первого издания этой поэмы, — дело нужное и хорошее. Перевод Б. Иринина, мне кажется, отвечает серьезным требованиям, какие должны быть предъявлены к такого рода работе...

2 февраля 1948 г. Твардовский.

Столь развернутый отзыв выдающегося русского поэта на перевод «Нарспи» интересен уже тем, что в нем А. Твардовский высказывает интересные мысли по поводу перевода иноязычных литературных произведений на русский язык. Сегодня они как никогда злободневны, ибо в наше время объемы, тиражи и названия переводных книг неизмеримо возросли. Все чаще читателям наряду с хорошими, удачными переводами приходится сталкиваться, увы, с переводческой нетребовательностью, поспешностью.

Поэтому в высшей степени объективный отзыв А. Твардовского, его забота о том, чтобы переводная литература была как можно ближе к первоисточнику, выражала его «дух и поэтическую структуру», является хорошим уроком для всех, кто работает в этом благородном деле. Автор «Василия Теркина» учит нас прежде всего серьезности в литературе, строгой требовательности и правдивости. Как везде и во всем, Твардовский и в этом отзыве показывает свою удивительную интуицию, проникновение в дух иноязычного произведения.

В этой связи естественно прозвучала просьба Я. Ухсай (в одном из его писем А. Твардовскому) о том, чтобы тот взял на себя обязанности общественного редактора поэмы. Лишь вполне понятная скромность продиктовала Александру Трифоновичу ответные строки:

«Дорогой Яша!

Я, конечно, целиком полагаюсь на тебя и Б(ориса) С(ерегевича) в отношении издания «Нарспи» и уверен, что там ничего дурного не случится из-за отсутствия моей подписи...

А. Твардовский».

На этом можно было бы и закончить наш рассказ об одной из малоизвестных страниц в истории советской литературы. Поэма «Нарспи» с тех пор издавалась в русском переводе Бориса Иринина не одно издание. Имя Константина Иванова отныне стоит в одном ряду с классиками других национальных literatur.

Живет, не гаснет
пламень слова,
И светлый образ не исчез.
Шуми же, лес, —
могучий, новый,
Лес Константина Иванова —
Поэзии чувашский лес!

— пророчески писал еще в 1940 году Яков Ухсай (перевод П. Градова).

Недавно Союз писателей Чувашии отметил свой полувековой юбилей. И самое время вспомнить добрым словом тех, кто способствовал подъему этой литературы. И в первую очередь назвать имена двух народных поэтов, двух товарищей по общей судьбе — Александра Твардовского и Якова Ухсай.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

На снимке: Я. УХСАЙ и А. ТВАРДОВСКИЙ. 50-е годы. Москва.